

Царь-государь постучал ребром ладони по дубовому столу и негромко сказал:

— Заканчиваем, бояре, личные разговоры. Заседание Царственно-государственного совета Тридевятого царства, Тридесятого государства повелеваю считать открытым. Собрались мы вот по какому поводу. Что-то ко мне жалобщики зачастили. Приходят ходоки из разных концов страны и говорят: плохо, мол, жить нам стало, голодно, денег нет и так далее. Что скажете на это, бояре?

Премьер-боярин убрал в карман головоломку, которую прежде вертел в руках, и радостно кивнул:

— Так и есть, государь! Только не пойму я: а чего они жалуются-то? Я же им когда ещё сказал: денег нет, но вы держитесь. То есть не только предупредил, но ещё и посочувствовал. Хотел даже одного мужичка по плечу похлопать, да передумал — руки помыть негде было, а я как раз на пир собирался.

Ключница Главной сокровищницы (или Центроклада, если называть короче), поправила на груди медаль «За победу над здравым смыслом» и сказала:

— То, что жалобщики плохо живут, государь, это им только кажется. На самом деле можно жить гораздо хуже. Они это тоже поймут, но позже, мы сейчас как раз работаем над этим. А покушать нормально можно и почти без денег. Вот я, к примеру, недавно салатик недорогой придумала, назвала его «эливье». Чтобы, значит, на имя моё похоже было... — она покраснела, помолчала немного и продолжила: — Надо сварить морковку, картошку, яйца, нарезать всё это кубиками, потом так же нарезать солёные огурцы. Добавить гороху, заправить сметаной, посолить, перемешать и...

— Да погоди ты, боярыня, со своим горохом,— прервал её царь.— Скажи, деньги в сокровищнице есть?

— Ну как есть... Скорее, они там бывают. Мы же продаём в другие государства грязь лечебную, нам за неё золотом платят. А золото у себя-то боязно держать: а ну как стянут люди лихие? Так мы что придумали: оставляем золота боярам на жизнь приличную, немного холопам, чтобы с голоду не перемерли, а остальное за море-океан отправляем, Змею Горынычу на хранение. Мало того, что за золото не беспокоимся, так ещё и в прибытке остаёмся. Нам Горыныч за каждый сундук в год по одной золотой монете платит. Так что через тысячу лет золота вдвое больше станет!

Царь с сомнением покачал головой:

— А если нам золото наше не через тысячу лет, а завтра понадобится? Отдаст его Змей Горыныч, не обманет?

— Не может такого быть! — тряхнув кудрявой головой, воскликнул бывший премьер-боярин.— Всем известно, что Горыныч — самый честный и справедливый на свете человек. То есть не человек, а даже ещё лучше, чем человек,— башки-то три! В его государстве вообще всё по-честному. Например, люди сами выбирают, какая голова Змея несколько лет править будет — первая, вторая или третья... Так что за золото можно не переживать. Я больше скажу: надо не только грязь лечебную, а вообще всё продать, что есть в государстве. Вырученные деньги, само собой, Горынычу отправить. Сделайте меня опять премьер-боярином, я в лучшем виде всё устрою. У меня вот тут целая программа написана об этом, только я вам её не покажу, если не назначите. Живите и мучайтесь догадками.

С этими словами он достал из-за пазухи краешек картонной папки и сразу же спрятал обратно.

Премьер-боярин снова убрал в карман головоломку и спросил:

— На моё место метишь? Ну и гад же ты!

А про себя подумал: «Гад же ты... Гаджеты! Красивое слово, надо будет что-нибудь им назвать». Он опять вытащил головоломку и стал нервно крутить её в руках.

Тут поднялся боярин, должность которого называлась мудрёным заморским словом «оппозиционер». Никто не знал, что это значит, поэтому он всегда строил из себя умного.

— А почему же Горыныч тогда у шаха персидского золото забрал?

— Так шах же сам виноват был! — ответил бывший премьер-боярин.

— В чём?

— А чего он... сидит там, у себя в Персии, как этот... Как было золото не забрать?.. Да ладно, честно говоря, деталей не знаю и знать не хочу. Сам Змею доверяю и вам советую. От греха подальше.

— Я считаю, что всё-таки нужно себе золота намного больше оставлять, — не унимался боярин-оппозиционер.

— Да мы нормально себе оставляем, не сомневайся! — радостно закивали другие бояре.

— «Себе» — в смысле, царству-государству своему. Купцам да фабрикантам надо денег дать на развитие дела. Они будут налоги хорошие платить и жалованье работникам. Те купят что-нибудь себе, а с этого — опять же налоги.

Самый старый из бояр тяжело вздохнул:

— Змею Горынычу все засылают, да побольше нашего. А если наша доля малая, сиротская ещё меньше станет, расшвирепеет Горыныч. Тогда уж всем несдобровать.

— Нельзя пресмыкаться перед пресмыкающимся, огнетушитель ему в глотку! — уверенно сказал воевода.

Он, как бывший начальник пожарной дружины, терпеть не мог тех, кто играет с огнём. А тем более — изрыгает пламя.

— Войны хотите? — испуганно спросил старый боярин.

— Нет, не хочу, — ответил воевода. — И Горыныч тоже, я уверен, не хочет. Больше пугает. А подданные его — тем более войны с нами не хотят.

— Кстати, о подданных! — поспешил перевести разговор с тяжёлой темы боярин, заведующий дворцовой кухней. — Видел вчера двоих заморских на рынке. Языка-то их я не понимаю, слышу только, будто они всё одно талдычат: трамп-пам-пам да трамп-пам-пам... Это песня у них такая новая или что?

Солидный боярин, занимающийся заморскими делами и сидящий почему-то с лавровым венком на голове, махнул рукой:

— Да какая она новая?.. Второй год её поют, надоели уже всем со своим «Трам-пам-памом».

— Так что, государь, — спросил оппозиционер, — будем своим золотом сами распоряжаться или всё по-старому оставим?

— Я должен подумать, — сказал царь-государь. — Своё решение сообщу позже.

Он встал и вышел из зала.

Вот, собственно, и сказке конец. Но не расстраивайтесь — все чудеса ещё впереди.